

ИНГА ИЛЬМ

Обрывки из реальностей

[#ПотегуРим](#)

Инга Ильм

**Обрывки из реальностей.
ПоТегуРим**

«Издательские решения»

Ильм И.

Обрывки из реальностей. ПоТегуРим / И. Ильм — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968055-6

Это не книжка — записи из личного дневника. Точнее только те, у которых стоит пометка «Рим». То есть они написаны в Риме и чаще всего они о Риме. На протяжении лет эти заметки о погоде, бытовые сценки, цитаты из трудов, с которыми я провожу время, были доступны только моим друзьям онлайн. Но благодаря их вниманию, увидела свет книга «Моя Италия». Так я решила издать и эти тексты: быть может, кому-то покажется занятным побывать «за кулисами» бестселлера.

ISBN 978-5-44-968055-6

© Ильм И.

© Издательские решения

Содержание

Комплекс Стендаля	6
Потерянная комната	7
Про один экземпляр	8
Что занимает меня	9
Вот и у нас началась настоящая зима	11
Про Кенгуру и не только	12
Притча	18
Если друг оказался вдруг...	19
О, спорт, ты – мир!	20
Про благодать	21
Ночь	23
Из учебника	24
Колизей в подарок	25
Отец истории искусств	28
Когда время живое	29
«Поздравляю вас, гражданин соврамши!»	30
Мечты сбываются!	32
Вчера говорила со своим Светилом	33
IV век	37
Это полный провал, снова полный провал (с)	38
Наука быть живым	39
В палаццо Барберини	40
О берегах очень тихой реки	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Обрывки из реальностей. ПоТегуРим

Инга Ильм

Галине Аркадьевне Аванесовой – вместо посвящения

Откровенность – форма самоубийства. У восточных людей, например, есть убеждение: умный человек тот, кто умеет таить свои мысли. Но начну с откровения: я не знаю, что такое знаки препинания. Так что всё, что здесь есть связано сказанного, – труд моего бесценного редактора. Редчайшего профессионала. А вот все недочёты и опечатки – исключительно мои.

Редактор Галина Аркадьевна Аванесова

© Инга Ильм, 2019

ISBN 978-5-4496-8055-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Комплекс Стендаля

1 сентября. 4:05

Используй опыт: пусть он не соскальзывает с тебя, подобно воде.

Анри Бейль. Запись в юношеской тетради

Говорят, Стендаль умел чувствовать все тонкости, грани, нюансы реальности, но редко чего мог при этом добиться в деле. Только и умел, что переживать. А что происходило с ним при взгляде на произведения искусства? Он был способен от эстетического воздействия потерять сознание. Дар! Абсолютно бессмысленный на первый взгляд талант.

И вот этот самый известный теперь Стендаль – в частности, как автор великого романа о настоящем плебее «Красное и чёрное» – в своё время не считался писателем. То есть абсолютно. Обычный вояка, кавалерист, который участвовал в итальянском походе Наполеона I и в войне 1812 года с Россией, а выйдя в отставку – как многие, вместо прочего, посвятил своё время самообразованию. Ещё в юности он занимался рисованием, поэтому начал пописывать в стол дилетантские статьи-компиляции по истории искусств, потом уже и страшно наивно «О любви», чуть позже – незатейливые путевые очерки. И, будучи ярким атеистом и приверженцем конституционной монархии (он ужасно интересовался и политикой), этот самый Мари-Анри, увлечшись философией, вдруг открыл для себя эмпирический путь познания мира как единственно верный способ. Мир – с позиции опыта. Правда, в эту теорию он внёс от себя и существенное уточнение: опыт основывается исключительно на наших личных (сугубо субъективных) чувствах.

И вот этот нелюдим, а ныне ранний классик реализма, старательный аналитик, человек, который всю жизнь нёс в себе войну между собственным Рассудком и собственным Чувством, увидел «Сикстинскую Мадонну». Примечательно, что это полотно было создано Рафаэлем около 1513 года для алтаря церкви монастыря Святого Сикста II в Пьяченце по заказу папы Юлия II – в честь победы над французами, вторгшимися в Италию. И вот Мари-Анри – француз и воин, вошедший сюда победителем, пусть через века – при виде шедевра величайшего из идеалистов мироздания лишается чувств.

Фигура Рафаэля, сама его личность, как сказали бы в учебнике, —памятник эпохи Возрождения. Ученик Умбрии! Он не первый предлагает такую глубокую гармонию, но первый, кто так громогласно утверждает: Бог, Человек и Мироздание – едины. А его гений – умение передать и сложность внутренних переживаний, и фундаментальные идеи, и пронзительность религиозного чувства...

Невероятно! (Это я уже про Стендаля.) Какой размах. Какое глубокое понимание другого художника с первого взгляда! Комплекс Стендаля...

Кстати, интересно: а менял ли Стендаль всякий раз свои взгляды на устройство мироздания? Или он просто так грохался в обморок – и всё? Вот что теперь меня волнует. Потому что, если шедевр может не просто лишить сознания, но в корне изменить жизнь, это значит, что у меня он и есть – ну вот тот самый комплекс Стендаля.

Потерянная комната

4 октября. 5:02

Последние несколько недель я открывала глаза около четырёх утра. Точнее, без чего-то четыре. В четыре я уже вставала – с первыми звуками пробуждения крохотного кусочка певчего мира, уцелевшего в центре мегаполиса. И, обращаясь к кому-то про себя, всё это время просила: «Ну пожалуйста! Мне всё очень нравится, но можно всё-таки начинать жить в какое-то другое время?»

Сегодня мои мольбы были услышаны. Я проснулась в половине третьего. Ничего не могу сказать – я всегда любила ночь. Это очень красивое время даже в городе. Вот это ощущение – «до третьих петухов», вот эта Марианская впадина ночи, бездонное её чрево, – это по-настоящему глубокая и потрясающая по наполненности Вещь.

Наверное, так мне и надо. Мне – измученному интроверту, всю жизнь бредущему по миру под маской. Драгоценные капли тишины, скорее даже истинного покоя на берегу дня, извлекаю я из этого временного пространства. Однако раньше у меня был кабинет. И эти волшебные часы я проводила за дневником или за работой. Теперь же я словно лишена себя. Именно теперь! Теперь, когда внешний мир почти что не требует от меня вовлечённости. Но я никак не могу привыкнуть, что у меня нет своей комнаты. Действительно своей. Куда всякий мог бы войти, лишь постучав, чтобы я успевала принять необходимую миру – общедоступную форму. Мой сын, когда был маленький, этого боялся. Говорил, что, когда я к себе уходила, ему казалось, что там я тихо-тихо-тихонечко одеваюсь и каким-то непостижимым образом ускользаю от него. Оттого он прислушивался ночами ко всякому звуку, каждый был важен ему, чтобы подтвердить или опровергнуть эту страшную гипотезу. Теперь он вырос. Он знает: я всегда тут – для него. Но ему это больше не надо. Или мне так кажется.

О, кто бы знал, как я сопротивлялась этим новым домам – домам без своего места. Я пишу какими-то обрывками, я высылаю свои статьи, и мне отвечают: вы пишете какими-то обрывками. Правда! Часть последнего материала я писала в поезде Женева – Париж, а вторую в самолете Москва – Рим. Да. И да, за последнее время я приучилась жить на диванах в гостиной, на кухне у стола или в спальне на кровати – там, где меня так легко обрести. Но осталась ли я? Есть ли? Жива ль? Не знаю.

По крайней мере, действовать я пока не могу.

Про один экземпляр

9 ноября. 8:33

Один из самых красивых городских рассветов – из тех, которые составляют мою личную коллекцию, – в Риме. Всё начинается с того, что по небу между тремя и четырьмя часами разливается удивительный, ласковый оттенок терракоты. Мутный, как воды Тибра. Чуть позже на нём выступят угольные силуэты высоких итальянских сосен – пиний. И тогда из садов Ватикана начинает долетать лёгкий шепот невиданных птах. И они не возносятся, не перелезают с ветки на ветку. Они посвистывают, словно задают мелодию дню. И вдруг – тишина. Теперь уже оглушительная. Но это ненадолго. Безмолвие разбудит голубей. Вот слышно сначала скромное курлыканье, потом и всеохватывающий шелест их крыльев. Вот распахнулись и стукнули первые деревянные ставни о стены старого дома. Вот потянуло в открытое окно соблазнительным ароматом с чьей-то кухни. Теперь вступили и томные ноты только что сваренного кофе. Пять. Начинает просыпаться улица. Здесь её совсем не слышно. Просто рождается новый низкий далёкий тон, вибрация. А дальше увертюра набирает силу. Крышки мусорных баков, одиночные выкрики чаек, на которые отвечает далёкая стая за рекой. Скучное, длительное дыхание механических жалюзи лавок первых этажей, продолжающееся до победного, до гулко-го стука железки о железку. И тут же становятся слышны обрывки весёлых фраз незнакомого, напевного языка. Прячется предутренняя дымка под купол Святого Петра. И восходит солнце...

Что занимает меня

6 декабря. 23:30

К чему снова и снова обращаются мои мысли на протяжении многих лет? – Память. Меня мучает моя память. О, капризная Мнемозина. Супруга Юпитера, мать девяти муз. Я лишена её благосклонности. А мой любимый старикашка Вольтер говорит, что без памяти нет ума.

Меня всегда это ужасно расстраивало. Я действительно обладаю такой удивительной памятью, что почти ничего не помню. Я набита сыгранными ролями под завязку. А ещё обрывками стихов, цитатами из текстов. И встречами с разными людьми. Вот прихожу к ребёнку в новую школу на родительское собрание, например. Смотрю, среди взрослых – лицо знакомое. Но кто это – никак не пойму! Разговариваю, вежливо головой киваю... и ещё месяц мучаюсь, пока соображу: это же мой преподаватель! Единственное, в чём я была уверена, так если *она говорит*, то я *всегда сижу и молчу*. Такое крайне редко бывает. Только если в университете, а по логике – университетский профессор в школе не встречается... Или вот, бывает, налетят, обнимут, растормошат, но кто? Вот если видела человека всё время серьёзного да на работе, а тут он вдруг на улице и мороженое ест! Не всегда, конечно, так. Но бывает. С детства очень много людей вокруг. Театр, кино, телевидение, редакции, клубы – гигантские муравейники, в которых сталкиваешься с тысячами тысяч персонажей и их судьбами, за одну жизнь.

Что уж тут про работу с источниками говорить. Вот прочитала я труд Чекалевского. Эстетический трактат XVIII века, адресованный студентам русской Академии художеств. С превеликим удовольствием! Чрезвычайно любопытно! Труд компилятивный, очень много из Винкельмана, и вот прямо сейчас меня мучает то, что ведь недавно кропотливо прочла я подряд несколько итальянских трактатов XIV века, и смотрю: кусочки-то оттуда наш уважаемый Чекалевский потырил, да ссылок на источники не дал! Нехорошо, право слово. Статью бы об этом написать! Однако уличить – не могу. Забыла, где прочитала. Да, и вспомнить конкретно, что у этого Чекалевского написано, тоже не могу! Вот, например: какой позиции придерживается этот автор относительно фламандской живописи? Не помню. Хоть умри. И читала внимательно! Так что приходится прикидывать художественный контекст эпохи, характер самого трактата, комментарии к его трудам, чтобы ответить на этот вопрос. А ведь можно просто – запомнить!

А ещё я не знаю ни одного номера телефона. У меня тут как-то села батарейка в аппарате, и я никак не могла сориентироваться, потому что оказалось: у меня и ни денег, ни ключей. И в этот сложный жизненный момент я чётко осознала, что знаю наизусть только свой собственный мобильный. И оказывается, это не самый важный телефонный номер, который ты должен знать наизусть! Потому мне многое, очень многое надо записывать. Целые тома записных книжек. И ещё многие тома настоящих книг. Мне постоянно приходится всё перечитывать! И ведь я плохо усваиваю текст с экрана, потому по всему миру таскаю за собой библиотеку. Точнее, самые важные книги. Измеряю их давно килограммами. Вот завезли сейчас – 280 кило. Очередной переезд. Надо скорее расставить всё по полкам. Приятные хлопоты! Люблю трогать книги, люблю с ними переговариваться. Вот, например, Монтень. Листаю, только что:

«Нет человека, которому пристало бы меньше моего затевать разговоры о памяти. Ведь я не нахожу в себе ни малейших следов её и не думаю, чтобы во всем мире существо-

вала другая память столь же чудовищно немоющая. Все остальные мои способности незначительны и вполне заурядны. Но в отношении этой я представляю собой нечто совсем исключительное и редкостное и потому заслуживаю, пожалуй, известности и громкого имени».

Подумала, что мы могли бы с ним сейчас поспорить, и села записать. Только ведь мне давно пора включаться в реальность, устраивать свои книжечки поудобнее, чтобы под ногами не валялись: «*Я въехал в дом, но в нём снова нет места...*» Новая квартира... Ещё совсем гулкая и совсем незнакомая. Больно ударилась на чердаке головой, только что, например.

Вот и у нас началась настоящая зима

11 января. 7:59

Можно сказать, сегодня день первый. Тусклый и тихий. Небо нежное, жемчужное. С него падают редкие капли. Они питают траву на соседней черепичной крыше и сотни выставленных по такому случаю цветочных горшков. Впервые увидела соседку – в шесть утра, ещё неприбранная, она выносила свои цветущие богатства на свет, подставляя их листья дождю. И даже мои бедные кустики самшита, что живут на балконе, чуть встрепенулись и умоляюще протягивают ко мне свои свежие побеги. Обещаю не забыть про них. Кланяюсь кресту на храме Святого Игнатия и тихонько прикрываю за собой дверь на террасу.

Про Кенгуру и не только

29 марта. 20:32

Сегодня шла в кафе. На площадь. По пути обнаруживаю: меня присмотрела ещё в толпе бабулька. Резкая такая, быстрая, сухонькая, какая-то плюшевая и с подпалом. Положительно похожая на кенгуру. Увидела меня – и сразу за мной, за мной сворачивать. Я тем временем уже устраивалась за любимым столиком, и она раз так и – прыг, за соседний. Как можно ближе. И тотчас громко всем объявила: «Я не одна! Я сына жду!» За этим пронзительным стариковским возгласом невольно рисовалась вся прожитая человеком жизнь. В мгновение ока размотался клубок неумолимых мойр к самому началу прошлого столетия – к её рождению. Но главное, что обратило на себя внимание, её интонации. Они были исполнены такой глубокой нежности и дрожали от такой неподдельной материнской гордости, что все первые ряды заметно оживились. Особенно после того, как старая леди демонстративно заказала себе бокал белого, победно оглянулась вокруг и активно принялась за ожидание.

Вздыхала она так тяжело и так часто, что, казалось, это от её дыхания разлетаются голуби по площади. Подслеповато щурясь, пристально разглядывала она толпу. Иногда чуть было не вскакивала. И снова садилась. Обнаружив в конце концов на экране телефона, что ещё рано волноваться, она сначала потеревила его в руках, потом спрятала от себя, но иногда все-таки открывала сумочку, доставала и гипнотизировала часы на экране. Вся эта привычная мелкая суета матери, ожидающей в волнении своего ребёнка, и вот вся эта нерешительность – позвонить ему или не стоит лишний раз беспокоить, была мне до такой степени знакома, что засвербило в носу. Как это трогательно со стороны и мучительно глупо. Смешно. И вместе с тем волшебное.

В основные свои зрители миссис Кенгуру сразу взяла пару средних лет, сидящую справа, изрядно покрасневшую за погожие деньки под весенним солнцем. Такие уже чувствуют себя завсегдатаями площади и громко обсуждают всё вокруг, как это и положено в Риме. Миссис уловила знакомую речь, пусть с акцентом. После очаровательного старорежимного обмена любезностями выяснилось, что семья – из северного Чикаго. «О! Я очень люблю Чикаго!» – воскликнула леди Кенгуру. И было видно, как перед её глазами проплыли какие-то чудесные картинки воспоминаний, а быть может, просто кадры канала путешествий. Но она отогнала их от себя и вернулась к общему разговору. Не американка – слишком воспитанна – и точно не англичанка, другой выговор. Слишком простодушна для жены фермера. Беззащитна для герцогини. Непригодна в преподавательницы. Оттого я подумала – старая Белая Африка. Там чуть дольше протянуло мелкое дворянство. Но наша Кенгуру и правда оказалась из Австралии.

Чуть поодаль от эпицентра представления заняли места огромные норвежцы. Команда лесорубов в смешанном составе. Мужчины и женщины. Сквозь шум площади их речь между собой я так и не расслышала. Но точно скандинавы, это они и зимой и летом ходят по Риму в униформе – шорты, кроссовки, спортивные футболки. Им неважно +15 или +40. Все одеты одинаково. Видно, на весь их «континент» только один магазин летней одежды. Кенгуру завожила белобрых великанов своей субличностью и талантом к обретению собеседников. Они ловили каждое её слово и старались наперебой отвечать. Но когда она решила апеллировать и ко мне, я притворилась, что ничего не понимаю. Так удобней наблюдать. По моему разговору с официантами, который я вела практически жестами, она сообразила, что я не владею

никакими языками. И хоть осталась недовольна моим образованием, тем не менее она иногда приветно вскидывала голову и ко мне, сверкая ярко-зелёной оправой своих детских очков.

Совсем старенькая. Я когда повнимательнее её разглядела – к восьмидесяти. Плюс-минус. И когда ей окончательно надоело переживать, то она вдруг оглянулась вокруг и искренне обрадовалась всему. А как не радоваться на залитой ласковым солнцем площади у Пантеона, если ты специально из Австралии, например, сюда приехал?! И куда ни взгляни – вокруг красота. А не хочешь восторгаться архитектурными феноменами и погружаться в тысячелетнюю историю – рассматривай сидящих с мороженым в тени фонтана. Не хочешь? Так прямо перед глазами течёт переливчатая многоголосая толпа, а перед ней идёт древнейший и самый настоящий аттракцион.

При подходе к траттории в Риме нередко работает профессионал – зазывала. Очень занятная профессия. И ведь жизнь ресторана в туристическом квартале зачастую зависит именно от него. Хорошо у тебя человек «на входе стоит» – у тебя бизнес идёт. Нет – хоть плачь! На каждый шаг – несколько заведений, в жесткой конкуренции. Так что правда многое зависит от профессионала. Есть хозяева, которые жалеют денег, нанимают просто девушек в коротких юбках или скучающих смазливых мальчишек. Но настоящие ребята, реальные звёзды – мужчины от пятидесяти. Неподражаемые острословы, блистательные артисты. Сценой – древняя городская площадь.

Наш «конферансье» – маленький, толстенький, в белой рубашке и в шёлковом поясе от смокинга посередине солидного живота – громко комментировал посетителям всё проходящее. И даже умудрялся успевать что-то обсуждать с зачарованными слушателями. Он придумывал и рекламные лозунги, которые громко выкрикивал на потребу толпе, а иногда и вовсе задибался к плывущим мимо туристам. Но обязанностью его было приглашать войти в ресторан, дабы прохладиться и насладиться. Это он и исполнял в первую очередь. Виртуозно! На смеси из нескольких языков. На спор, заключив пари с парой тех самых американцев из Чикаго, он за десять минут усадил гостей за каждый из столов ресторана. И не скрывал своего коварства. Как только гости усаживались, Конферансье объяснял им правила игры и начинал охоту на следующих. Когда последний стол был занят, все заплодировали. Проходящее на авансцене было мне пусть знакомо, но вовсе не утомительно. Зазывала – старый, можно сказать, приятель и один из наших любимых. И я притворялась, что ничего не понимаю и рассматриваю толпу, но на самом-то деле я вся превратилась в слух.

Ведь как только миссис Кенгуру обнаружила, что залом ведётся игра, как тотчас вступила в строй болельщиков зазывалы. Между раундами она подбадривала его, как заправский тренер на ринге: «Вам нужно выступать по телевидению! – заявила она после очередного блистательно проведённого приёма. – Вы талантливы! Я это вижу. Вот вам подарок!» – с чистой, ничем не замутнённой, прозрачно-небесной радостью леди протянула ему открытку. Это был флаер. Она достала блёклый листок из своей старушечьей сумки: «Вот вам! Приглашение на выставку». Информация о её проведении была написана на этюде Венеции, на котором как всегда: канал, гондолы, отражения, белый барочный портал. Художник объявляет предметом своих изысканий «живописные размышления о синтезе света и формы» – так там было написано, но что за техника, я не поняла. «У меня сын художник. Он сейчас придёт!» – Она опять нерешительно потеребила свой айфон. – «Он работает. Сегодня выставка открывается. Он и во Флоренции, и в Венеции жил! Он художник! Рисует! Понимаете? Видите?»

Однако реакция нашего Конференсье на кусочек картона была никак не предсказуемой. Вглядевшись в открытку, он начал быстро что-то вопрошающе бормотать про себя. Не обнаружив нужного внутри, он возвысил голос. Теперь он стал чётче и громче проговаривать слова, перебирая их на слух. Стало понятно, что он перечисляет названия церквей. Одно за другим. Перебирает, как чётки, как слова краткой молитвы. Он пропустил мимо ушей весь длинный рассказ старой леди. Он, очевидно, хорошо знал Венецию. И возможно, он родом оттуда или когда-то жил там. Или там жил тот, кто ему был очень дорог. На наших глазах его захлестнула волна какого-то глубокого чувства. Что-то важное предстояло сделать теперь. Эта открыточка была не просто безликим приглашением на выставку, но явилась сакральным артефактом грядущей миссии. Старый клоун благодарственно поднял глаза на миссис Кенгуру и по-настоящему, растроганно сказал: «Спасибо вам! Большое спасибо!»

Старушка не унималась, она заметила реакцию на приглашение, но удивилась, что речь о сыне не произвела должного впечатления на слушателя. Так что ей пришлось повторить свой рассказ более эмоционально и с некоторой вариацией. Невозможно себе представить – в Риме никто не удивлен, что на свете бывают художники! Но вот в Австралии... Зазывала рассеянно, но уважительно кивал. Спросил, можно ли он оставит себе эту картинку. Старушка обрадовалась, задребезжала – да, это ведь подарок вам, приходите! приходите на открытие! Конференсье уважительно сложил флаер и начал прятать его в карман.

В этот момент к столику шагнул очень высокий худой мужчина с развевающимися волосами. Весь ресторан загудел как улей. «Мы вас все ждали!.. Почему так задержались?.. – начали раздаваться возгласы со всех сторон. – Вы сын этой старой леди!» – «Ах вот как?» – растерялся он. Все расхохотались и закричали: «Вы художник! Художник! Живёте в Венеции!» После того как овации разбились о него и утихли, Кенгуру сказала: «А я уже пригласила на выставку этого замечательного мужчину» – и махнула рукой за спину сына. Художник поискал подслеповатыми глазами фигуру возможного покупателя и разочарованно обернулся к зазывале: «Что ж, приходите! Я дам вам хорошую скидку», – сказал он. И сел.

Как всякий художник, он выглядел молодящимся. Тонкие седые пушистые волосы летали над его головой лёгким нимбом. Рубашка навывпуск. И огромные, очень добрые, распахнутые миру глаза. У таких мужчин обычно бывает много детей, большая семья. И хорохорится он, конечно, спорит со временем, но ему совсем уже к шестидесяти. Впрочем, обликом он – суций мальчишка лет двадцати. И похоже, что-то сложилось в этой жизни не так. Похоже, что всего-то их двое. На всём белом свете – мать и сын. Только он – живёт в Венеции, а миссис Кенгуру одиноко обитает где-то там в своей Австралии. Они разлучены, к их великому огорчению. Но по-другому никак...

– Где же ты был? Я так долго тебя ждала! – начала она жалобным голосом.

– А где мы договорились встретиться, мама? – спросил он, и было понятно, что в нём, помимо бесконечной любви, живёт ещё и просто безграничное к ней терпение.

– Напротив Пантеона! – победно вскричала она.

– А мы где, мама? – ласково улыбнулся он.

– Справа от Пантеона, – виновато ответила миссис. – Но ведь и напротив тоже! – это уже с лёгким превосходством.

Он накрыл своей рукой её руку, углубился в меню и вынырнул заметно расстроенным. Для человека, живущего в Италии, заплатить по ценам площади – насмешка над собой или тогда уж волевое решение.

– А я вон какую тебе девушку нашла, – кивнула она на меня.

Художник смутился, но я не повела и бровью. Он утешился, подумал, что я не понимаю английский, и сказал:

– Хорошая! – Помолчал. – Я её сфотографирую!

«Ну уж дудки», – подумала я и увлеклась сценой за его спиной.

За его спиной стоял класс школьников. Точнее, только начал выстраиваться в шеренги. В первой паре была крошечная измученная женщина, резкими чертами лица напоминавшая испанку. Рядом с ней – огромный подросток-переросток, чёрный, она держала его за руку. Его штаны висели почти что на коленках, дреды на коротких волосах – всё как положено. И то, что он гигант-переросток, вначале просто ощущалось. А потом подошёл и весь его класс. Теперь вокруг него вились ребята 12—13 лет. Он выглядел на все шестнадцать. Если бы только не привычная покорность его большой тёмной руки цепкой ладонке педагога. И уж очень целомудренное озорство блестело в его глазах. Он, очевидно, многое успел с утра и теперь томился от вынужденного безделья. Его в паре с училкой принудили открывать шествие класса по узким прихотливым улочкам. И он сердился. Всё ему надоело. Но, обнаружив в моём лице зрителя, паренёк тотчас оживился и придумал новую шалость. Он проверил, как работает пробка на его фляжке. При сильном сдавливании бутылки она пропускала очень тонкую, но быструю струю холодной воды. И пока стайка ребят под управлением двух педагогов была увлечена процессом организации в пары – он, опустив глаза, понурясь, как и положено провинившемуся, начал потихоньку брызгаться. Я расхохоталась. За мной отреагировал и ресторан. Проказник получил гораздо больше внимания, чем ему было необходимо, и чуть ли не за ухо (а быть может, мне так показалось, потому что дотянуться до него крошечный страж точно никак не мог) был увлечён в толпу, которая сорвалась с места, уступая пространство новой группе туристов. Картинка изменилась. Теперь напротив каменными изваяниями застыли туристы из Японии. Все они были в белом, и у каждого из персонажей в ухе был бирюзовый передатчик, и все они одновременно крутили головами, повинувшись неведомому зрителю сигналу.

Художник так же быстро, как и Кенгуру, умел переключаться со сценки на сценку и радоваться окружающей действительности. Теперь мама с сыном развернулись к Пантеону. Они пощебетали о его архитектуре – со знанием дела и минут десять. Украшая эту беседу, как и подобает оной, многозначительными паузами. Потом на стол им принесли всё то же самое, что мне. И я порадовалась: они подглядели в мою тарелку и не ошиблись. Всё самое свежее! Впрочем, миссис Австралия хоть и угадала во мне завсегдатая, но никак не могла приладить меня к своей реальности. Наконец она просто ткнула палец в мою тарелку и повелительно спросила, ни к кому конкретно не обращаясь: «Это что?» – «Фокаччо», – примирительно ответил художник. Но она, не опуская неумолимого перста, ждала ответа, теперь уже совершенно явственно от меня. «Это как хлеб», – тихо промолвила я по-английски. «Как хлеб...» – повторила хором и как-то нараспев эти слова семейка и осталась довольна. «Вы здесь живёте неподалёку?» – как ни в чём не бывало продолжила старая леди. «Да», – ответила я.

И в этот момент жизнь прервала нашу беседу. Одна из семей покидала беседку под тентами, и все хотели попрощаться с миссис Кенгуру и пожелать ей и её сыну всего хорошего, а освобождающийся столик ещё с площади углядела молоденькая, хорошенькая девица. Судя по её выговору, она получает образование в Америке. И вот её чрезвычайно заинтересовало наше со старушкой содружество. Она усадила семью за соседний стол и подползла на стуле

поближе. Во главе их прайда стояла интересная восточная женщина, чья английская речь была хороша, но украшена тяжёлым акцентом. Рядом с ней томился полноватый мальчишка лет тринадцати, с двадцатым по счёту мороженым. Неподальёку прогуливались два старших мужчины – родственники. Или охранники. Они не подходили к столику, присматривали с площади. Кенгуру тотчас накинута на новоприбывших, а я, к сожалению, не смогла вступить в общую беседу – география подвела. Наши новые собеседники были откуда-то очень-очень с Востока. Кенгуру, мне кажется, тоже толком не знала, о чём речь, но бодро кивала. И мне было страшно интересно переброситься словечком вот с той девушкой, которая учится в Штатах, но нам было не суждено... Кенгуру перепрыгнула в мою сторону: «Что это вы делаете в Риме?» – спросила она. «Живу», – ответила я. «Почему? Зачем вы сюда приехали! – нетерпеливо вскричала она. – Кто вы такая?» Удивительно простые вопросы. Но простых ответов у меня на них не было. Воцарилось молчание, в которое была активно включена девчонка: кажется, у неё была версия на тему, кто я такая. Мама снисходительно улыбалась, глядя на неё, а брат посматривал на меня исподлобья. Гигантские скандинавы закачались, как корабельные сосны на ветру.

На самом деле, конечно, в глубине меня ещё таится искорка актёрского тщеславия. Я люблю придумывать себе образ всякий раз, даже когда просто спускаюсь на обед. Любимый костюм у меня сейчас – пажа. Длинное бархатное пальто, шёлковые бриджи под колено и шёлковая размахайка. Вот не снимала бы наряд! Но так нельзя. Так что на этот раз я была стареющей рок-звездой. С длинными распущенными волосами, закрывающими лицо. В огромных очках, мягкой косухе, черных клёшах и в казаках из питона. Для Европы, быть может, даже вызывающе. Но в Австралии... таких, наверное, каждый второй. Мне только шляпы не хватало. Кенгуру окинула меня длинным взором с ног до головы и проникновенно протянула: «Вы поэтесса». Я расхохоталась. Девчонка за соседним столиком хотела выдвинуть свою версию, но вперёд полезли скандинавы, а из-за кулис вдруг явился хозяин заведения, с чувством поцеловал мне руку и так же быстро исчез. Снова возникла пауза. Но любопытство Кенгуру не могло ни секунды больше выдерживать: «Откуда вы?» – почти закричала она на меня.

Во мне плескался уже бокал шампанского, оттого я гордо выпрямилась на стуле и почему-то с вызовом, глядя в глаза восточной женщине (наверное, как представительнице другой мощной нефтяной державы), торжественно произнесла: «Я – русская!» Нефтяная держава одобрительно кивнула головой, отчего в её ушах засверкали неисчислимые караты. Девчонка, с одной стороны, явно разочаровалась, отказавшись от всех своих предыдущих догадок, но ей продолжало быть интересно. Русская! Кенгуру была, похоже, ошарашена по-настоящему. «Я должна вам сказать: я никогда раньше не видела русского человека!» – «Вот! – И я ударила себя в грудь. – Я – русская». Скандинавы начали переглядываться. «Это замечательно! Просто невероятно!» – обрадовалась миссис Австралия. На что я не нашла ничего лучше, как спросить: «А правда, что в Австралии все люди ходят вверх ногами?» – «Да-да, – рассеянно прошептала дама, погружаясь в свои мысли, – я где-то слыхала об этом». Художник под шумок достал камеру и пытался меня сфотографировать, но: предупреждён – вооружён. У него не вышло ни кадра, в конце концов он понял, что это не случайность, и со вздохом убрал фотоаппарат. «Я вот тоже думаю! – как всегда безо всякого перехода сообщила миссис Кенгуру. – Я думаю, моему сыну нужно подстричься!» – твёрдо и громко заявила она, пока этот старикашка копался в своём «бэге». Художник гневно выпрямился, блеснул глазом, встряхнул поредевшей, но вполне ухоженной серебристой полупрозрачной гривой и с бешенством десятилетнего молча уставился на невозмутимую леди. Зал затаил дыхание.

А я в этот момент вспомнила, как уговорила сына подстричься, и он пришёл домой с причёской пэтэушника из 80-х. И ведь даже прядь выкрасил. Поэтому я честно, от души сказала:

«Хотите, я открою вам один секрет?» Старушка чуть ли не прижалась ко мне всем своим птичьим тельцем. «Никогда не говорите мальчишкам, что им пора стричься!» Мальчик с мороженым расхохотался, но тотчас отвернулся от нас и теперь тихонько прыскал в сторону. Женская часть публики разулыбалась. Разулыбался и художник. И только скандинавы недоуменно покачивались. А старушка сказала: «Ну почему же я сразу с вами не заговорила?!» Да. Нам всем пора было расходиться. Я встала. Меня торжественно пригласили на выставку. Девчонка, которая учится в Америке, успела поделиться со мной своим восторгом от старой леди, которая устроила тут целое шоу. И мы с удовольствием чуть поулыбались. И мы помахали друг другу со Скандинавией, а Кенгуру показала всем на зазывалу, как певица указывает на аккомпаниатора, и объявила: «Этому человеку совершенно точно нужно работать на телевидении! Он прирожденный комик. Не правда ли?» – обратилась она ко мне напрямую. «Зачем же ему в телевизор? Он нужен именно здесь». – «Действительно, – вдруг сказала она. – Тут лучше, чем в телевизоре. Важно же уметь просто смотреть на жизнь!» – «Хороших дней!» – сказала я ей на прощание. «Ну что вы! – воскликнула она. – Мои дни в Риме всегда превосходны! Приходите!»

Но я не пришла. Решила записать про них, вот и закопалась.

Притча

30 марта. 13:32

– Нет на свете справедливости! – жалобно пропищала мышь, чудом вырвавшись из когтей ласки.

– Доколе же неправду терпеть! – возмущённо крикнула ласка, едва успев спрятаться в узкое дупло от кошки.

– Житья нет от произвола! – промяукала кошка, прыгнув на высокий забор и с опаской поглядывая на бредущего внизу дворового пса.

– Успокойтесь, друзья! – сказала мудрая сова, сидевшая в клетке на крестьянском дворе. – В ваших сетованиях на жизнь есть доля истины. Но разве справедливость принадлежит по праву кому-то одному из вас?

Леонардо да Винчи. Сказки, легенды и притчи.

Если друг оказался вдруг...

8 апреля. 13:14

Решили Великий пост держать. И вот, начитавшись всего, что положено для первой недели поста, преисполненная благодати, понесла я свою пустую тушку по ступеням вниз, на улицу. Мне нужно открытки отправить. Я продолжаю свой следственный эксперимент. Шанс один к семи, что дойдёт, установлено. Но он всё-таки есть! Поэтому попросила я у «нашего друга», как он себя сам величает (ловкого паренька из страны Бангладеш, который арендует крошечную комнатёнку, где торгует всякой ерундой с изображениями Рима), быть очень ответственным. Говорю: если всё пройдёт успешно, я всегда отправлять через вас буду (участие в почтовых сообщениях здесь довольно прибыльное дело).

«Наш друг» не на шутку разволновался. «Россия – это где? – обратился он к трогательному пухленькому итальянцу с незащитными глазами. – Вот клиент хочет отправить открытки – три в Москву. Какие марки продавать?» Видимо, я наблюдала счастливого вкладчика, который зашёл провести своё предприятие. Молодой синьор тотчас вошёл в роль. Неторопливым, но внушительным жестом остановил он поток речи на путанице английского с итальянским и, на хорошем английском языке, поинтересовался у меня: «Вы откуда?» Но не успела я и рта открыть, как юркий бангладешец сообщил: «Из Москвы!» Я кивнула. «Тут живут, – он показал на наши окна. – Наши постоянные клиенты, – он обвёл рукой свои соблазны, а я смущённо улыбнулась. – Её муж художник». Я подняла голову, посмотрела на счастливого вкладчика и расплылась в улыбке. Приободрённый продавец вдохновенно продолжал: «Они мои друзья, – и в этот момент я совсем сильно закивала и рассмеялась, не дожидаясь окончания фразы. Но далее последовало уточнение: – Мои друзья-мусульмане!» Тут я на секунду замерла – задумалась. А дальше он уже перешёл на итальянский, и я ничего не могла понять. Тирада закончилась прямым и резким вопросом ко мне: «В Москве ведь только мусульмане живут?» Я, не владея темой основательно, сказала: д-да, в России приблизительно половина населения мусульмане... «Наш друг» страшно обрадовался, одобрительно кивнул мне, словно это была моя личная заслуга, и погрузился в деловые расчёты, выводом из которых не замедлил поделиться. «Россия – это Америка», – торжественно произнёс он. «Ну, не совсем...» – благожелательно начал ласковый господин. Вероятно, он хотел проявить некоторые познания в географии, а быть может, не терял надежды вставить в разговор своего делового партнёра хотя бы слово. «Э! – решительно прервал его человек из страны Бангладеш и небрежно махнул в сторону рукой. – Это ж далеко и за морем! Значит, вам нужно четыре зелёных!» Он оторвал четыре марки, больше похожих на переводные картинки, и только я хотела их как следует рассмотреть, как синьор решил добиться справедливости, хотя бы в одном из вопросов. Он вежливо, но твёрдо уточнил: «Простите, а вы – ортодоксальная христианка, не правда ли?» В любой другой день я была бы готова отречься, но сегодня – никак не могла. «Да», – ответила я сдавленно, с интонацией какого-то пионера-героя. Спешно налепила марки и ретировалась из-под вопрошающего ока нашего бывшего друга.

О, спорт, ты – мир!

6 апреля. 9:48

Начала заниматься спортом. С тренером общаюсь на только нам понятном языке. Он интуитивно догадывается, что нужно сказать, зато я прекрасно понимаю, что он требует. Например, он настойчиво называет head – hell. «Lift your hell», – просит он меня.

Ох, если бы он знал, до какой степени прав!

Про благодать

16 мая. 1:25

Сегодня был день сошествия Духа Святого. В этот день идёт очень красивая служба в Пантеоне. В самый ответственный момент молитвы там из окулуса – круглого окна в центре купола – на верующих начинают падать лепестки роз. Дождь из лепестков. Красных. Очень красиво. Мы узнали об этом ещё в прошлом году и подготовились: пришли за час до начала службы, нашли чудесное местечко, около стенда – на него можно было облакачиваться, ведь служба идёт несколько часов. Однако уже минут через сорок я поняла, что больше не могу стоять, а служба даже не начиналась. И быть может, я и ещё час простояла бы, но... не успела позавтракать. Для меня это смертельный номер. Потому я – сдалась. А мой супруг с приятелем достояли до конца. И мне на видео принесли и показали. И лепестков подарили. Я весь год их таскала с собой. Один хранила в кошельке и последние его сухие осколки вытряхнула с мелочью месяца полтора назад. Расстроилась. Но вспомнила, что скоро снова такой праздник будет. И даже записала в свою книжечку – а это значит, что точно.

На этот раз я плотно позавтракала. И пришли мы теперь уже даже за два часа, в надежде на скамеечку в церкви, но теперь, чтобы только выйти на площадь, стояла длинная очередь достопочтенных немцев. Они вообще очень любят правила. Жить без них не могут. Поэтому мы обошли Пантеон сзади и вышли на площадь с другой стороны. Людей было море. Но при желании со ступеней фонтана можно было видеть кусочки службы и непосредственно сам момент снисхождения. Только вот стоять так нужно было несколько часов, посреди взволнованной и волнующейся толпы. Когда нам окончательно отдавили ноги, мы решили сесть в соседнюю кафешку, просто побыть рядом. Так оказалось, что мой муж сохранил лепесток с прошлого раза. Он с удовольствием его демонстрировал хозяину и официантам ресторана, в котором мы расположились.

Это была удобная точка для наблюдений за площадью. И на этот раз было действительно очень много людей. Вероятно, внутрь Пантеона пускали исключительно верующих. Ещё вероятнее – по специальным приглашениям. Год – Юбилейный. Такой установлен раз в пятьдесят лет. Это когда все грехи католикам отпускаются. И я рассматривала теперь уже безгрешную толпу, которая всё густела и густела к моменту кульминации службы. И зазвонили колокола... На самом деле всё течение службы угадывалось. Во время пения общей молитвы камни под ногами вибрировали. А потом нам ветерком вдруг принесло запах ладана. И ещё, и ещё раз. Это были подарки. Я вообще называю Рим – Великий Утешитель. Он настолько щедр, что знает, как каждому из нас порадовать сердце. И пусть нам не довелось попасть на службу, но нам были дарованы не менее волшебные сцены, которые навсегда останутся в воспоминаниях.

Стоило мне закончить про себя эту мысль, как раздался звон. Площадь собралась воедино и вытянулась вверх, в попытках рассмотреть происходящее в алтаре. И через этот звон бежала, держась за руки, – пара. Лет тридцати. Она высокая, интересная, с длинными белыми волосами и в белом плаще. Спутник её так ловко смешался с толпой, что его я даже не разглядела. А подбежали они – как раз вовремя! Как раз успели к тому моменту, когда сверху полетел дождь из лепестков. Только ведь они не знали, что оказаться там, под ним, было совершенно невозможно. Но в качестве утешения им навсегда останется вот этот их бег по узким улочкам, под колокольный звон, который мечется и мечется за ними от церкви до церкви.

Девушка справа от меня, застывшая над третьим капучино, оторвалась от телефона и пошевелилась. «Кажется заканчивают! – облегчённо выдохнула она. – У меня там родственники застряли», – хихикнула и покачала дурацкой серёжкой в носу. Ну вот такой, которая похожа на сопли. В остальном она была совершенно милейшая. И я честно сказала ей, что мы вот тоже только поэтому и здесь. Она хмыкнула: «И я здесь, за столиком». Тогда мы показали ей лепесток с прошлого года. Она растеряла тотчас свою доброжелательность. «И эти долбанутые», – прочитали мы в глазах девы лет восемнадцати. Переглянулись, улыбнулись и почему-то так и не встали из-за столика. Медлили.

Я предложила пойти набрать лепестков, когда люди покинут церковь, но мой муж ответил, что это нечестно. Мы ещё помолчали. Пора было уходить, мы давно расплатились. И вдруг из толпы вынырнула юркая изящная женщина в возрасте. Она сжимала в руках охапку лепестков и была совершенно счастлива! Её просто переполняли чувства – она сияла! Она стала разбрасывать цветы людям, сидящим за столами, и мы оказались на её пути. Она улыбнулась нам и высыпала целую горстку. Я так расчувствовалась, что расплакалась (впрочем, под тёмными очками не видно) и очень серьёзно сказала этой посланнице небес: «God bless!» Она остановилась на секунду. Бросила на меня пронизательный взгляд и исчезла. Через считанные секунды вновь появилась напротив меня с целой семьей. Человек шесть. Словно она привела всех тех, кого мне нужно искренне поблагодарить за это утро. Я всех внимательно оглядела и кивнула ей, а она мне, и мы рассмеялись. И всё это было так трогательно и невыносимо прекрасно! Мне очень стыдно, но я ещё немножко поплакала. Старенькая стала.

А дева юная с недоумением смотрела на меня.

Ночь

8 июля. 23:40

Окна нараспашку. Слышу, как внизу американка потерялась в древних переулках и кокетничает с прохожим: как выбраться отсюда? мне нужен password или что?

Из учебника

10 июля. 4:25

401—402 гг. С большим трудом удалось отразить нашествие вестготских дружин во главе с Аларихом и возобновить с ними договорные отношения.

В 404 – 405 гг. Италия переживала страшную опасность от вторжения из-за Восточных Альп полчищ гота Радагайса, который дошёл до Флоренции, но был наголову разбит недалеко от этого города. Эти вторжения показали, что самая серьёзная опасность угрожает центру... Империя фактически оставляла западные провинции на произвол судьбы. Этим немедленно воспользовались племенные коалиции аланов, вандалов и свевов, которые прорвали в 407 г. рейнскую границу и, форсировав Рейн, ворвались в Галлию, опустошая всё на своём пути.

В 408 г., после отстранения от власти и убийства всемогущего временика Стилихона, пришедшая к власти придворная группировка разорвала союзные отношения с Аларихом и его дружины вновь двинулись на Италию. Аларих на сей раз избрал путь на Рим и осенью 408 г. осадил «вечный город». Лишь ценой большого выкупа жителям Рима удалось добиться снятия осады и ухода вестготов. Попытки Алариха договориться с Равенной о приемлемом мире были вновь сорваны придворной группировкой, и Аларих в целях устрашения равеннского двора повел свои дружины на слабозащищённый Рим. По пути на Рим к готам присоединились беглые рабы.

Рим был взят 24 августа 410 г. и жестоко разграблен.

См. Эдвард Гиббон. И ещё Марка Блока и Питера Брауна.

Колизей в подарок

11 июля. 12:18

Мы поменяли дислокацию. В такую жару лучше всего прятаться в парках, а возвращаться – долгой дорогой, присаживаясь в симпатичных заведениях. Вот напротив Колизея есть чудесное местечко. Ни вид, ни кухня не изменились за два тысячелетия. Что ещё приятно – там в жару распыляют над столиками воду. В следующий раз приду без солнцезащитного крема, позагораю.

Место это возле метро. Проходное и бойкое. Узкая пешеходная улочка вся уставлена столиками. Тут всегда забавный замес туристов. Чаще всего американцы. И тут их все обманывают. В счёт как минимум лишнюю бутылку воды впихивают. Или вот, например, стоят таксисты около остановки автобуса и объявляют по сто евро на доехать. Мафия. Мы с ними любим вступать в разговоры. К концу диалога они, как правило, смеются и предлагают нам погулять отсюда пешком. Если в настроении – ловят нам нормальное такси, и мы платим за дорогу шесть евро. Америкашки же, разморённые прогулкой под солнцем, плюхаются в машину без разбора. А ведь всё оттого, что очень любят Колизей. Он у них самый главный в Риме. Садятся тут и часами его рассматривают.

Я люблю подслушивать. Иногда даже в настроении влезать в разговоры – если ерунду какую про Рим рассказывают, например. Или я просто любопытствую, о чём-то спрашиваю, сверяю с реальностью свои догадки.

Сегодня улов у меня был таков: томная интересная женщина лет тридцати с большим и свирепым негром. Они пили какой-то космополитен, и она всячески давала понять, что им хорошо в постели. Негр иногда поигрывал мускулами, крутил ослепительными белками или показывал прекрасные зубы. Рядышком – трепетная юная дева с таким же узеньким молодым человечком. Они питались дивным видом и кока-колой. Потом им принесли одну брускетту на двоих. Милые пташки! Их радость была чиста и тиха. А совсем близко, но всё ещё по левую руку, сидели чинные скандинавы. Они ели. Много. Молча. Сосредоточенно. Муж и жена средних лет. Кстати, какие-то низкорослые попались. Шведы, что ли? Не знаю, что это был за подвид. А вот справа два стола американцев, которые и захватили целиком моё внимание. В общей сложности – четыре человека. Муж и жена из неприятных. И двое мужчин-путешественников. Забавная пара. Один из них – высокий, статный, интересный, средних лет. Одет как офисный служащий на отдыхе, но с полным пониманием, что такое длительные пешеходные прогулки. Его спутник – старикашка-таракашка. В костюме колонизатора. Я вот не понимаю, что это у американцев за мода в таком виде путешествовать. И главное, этот щуплый империалист лет шестидесяти начал самозабвенно излагать сущую ахинею – перед величием Колизея. Про то, что это здание построено сравнительно недавно. Из-за лунных затмений случилась путаница во времени. И про то, как он всё это в одной книжке прочитал... Остальные сидят – уши развесили. Америкашки! Их тут все обманывают.

Вот тогда я развернулась и сказала всё, что по этому поводу думаю. Раз уж так любят люди Колизей, пусть хоть знают почему. Я ведь не одну книжку прочитала. Муж жены из неприятных восхитился моей речью и попросил: «Расскажите, расскажите нам ещё!» И даже заломил в тоске руки. Я обрадовалась: «Конечно! Спрашивайте, что вам интересно?» И не успел он набрать в лёгкие воздуха восторга, как получил под столом резкий условный сигнал. Он потёр

ногу после тычка жены из неприятных, выдохнул, засуетился и виновато сказал: «Нам бежать надо». И действительно, пара спешно ретировалась, оставив меня лицом к лицу с разъярённым колонизатором.

Изначально, при знакомстве, старикашка ведь представился всем, включая далёкие столики, как эксперт-путешественник, проводник, гид, знаток и так далее. Теперь же позиции его были сильно поколеблены. И когда при расставании американцы встали, обменялись между собой деревянными улыбками, то дама не из приятных вдруг спросила, глядя на его костюм: «Так вы и в Индии, наверное, бывали?» – «Да, – ответил эксперт, – я часто бывал там на юге... как там это?..» Я вскинула голову. «На Шри Ланке!» – убедительно выкрикнул он. Вот тогда я совсем изумилась. Нормальный такой эксперт! Две страны перепутал. Старикашка прочёл мою мысль, ещё больше раскраснелся и сел. Кстати, сел он третьим за наш столик! Потому что у нас тут тень. Теперь он молчал, но кипятился и воинственно на меня поглядывал, точно взъерошенный петух, готовый броситься в бой.

Жара. Колизей. Шорох редких машин по дороге, что лежит где-то там, внизу. Певчие птицы на высоких пиниях. Резкий выкрик попугая в вышине. Скандинавы молча ели. Юные влюблённые улыбались и держались за руки. Негр и дама томились. Человек из офиса доброжелательно на меня поглядывал и выказывал все признаки продолжить разговор. А старикашка хотел сейчас только одного – на меня накинуться и поколотить, но в столь умиротворяющей обстановке это было бы совершенно неуместно. Оттого он выжидательно хохлился. Я не люблю конфликты и всякую напряжёнку. Я за мир во всем мире. Вот хотя бы в радиусе трёх метров вокруг, тем более за моим столиком, мне жизненно необходимо пространство доброжелательства. И думаю, что если б каждый старался вот тупо для ближнего, то это было бы хорошо. Иногда же достаточно просто смотреть на людей и хорошего им желать, уже настроение вокруг меняется. Другое поле образовывается, говорят, даже квантовые частицы это понимают. А тут вредный проводник с воспалением самолюбия...

...Мимо опять прошёл продавец сувениров. Я ещё в прошлый раз подумала купить у него безделушку. Во-первых, было видно, что человек очень устал. И что денёк у него не задался. Во-вторых, симпатичный сувенир. Просто квадратный кусочек стекла, ну или чего-то такого, типа льдинки, а внутри Колизей – прозрачной такой гравировкой. Копеечная штучка, но прикольная. Никому даже не в подарок – себе драгоценной, на письменный стол листы держать, чтобы от сквозняка не улетали.

Бедный продавец третий раз обречённо проходил в раскалённой тишине мимо наших столиков, когда я его окликнула, и мы начали играть в любимую всеми восточными народами игру – принялись торговаться. Мы так нередко развлекаемся, на спор выторговывая всякую ерунду, из чистого азарта. И нам нередко идут на большие уступки. Я уже приноровилась. И сейчас устроила из покупки целое шоу. Показательное выступление. Мне досталось пять таких волшебных кубиков всего за пять евро, хотя изначально пять стоил каждый из них. Процесс происходил долго и обстоятельно, «с оттяжкой», с неожиданными прекращениями торгов, с немыслимыми расстройками то с одной, то с другой стороны, и с уходами, и с камбэками, и с укорами, и со счастливыми примирениями перед очередным раундом. Зрелище это заинтересовало всех чрезвычайно. В особо напряжённые моменты я получала даже восторженные выкрики из «зрительного зала». За столиками возникло оживление. И оно усилилось ещё больше, когда каждой паре досталось по сувениру.

Я протянула стекляшку с Колизеем старикашке, потом положила её перед ним на стол. Вредный колонизатор прятал руки за спиной, смотрел на меня с ненавистью и шипел: «Что это такое?» Я сказала: «Колизей – в подарок». Эксперта просто перекосило от ярости, но приятный спутник чуть отодвинул его и с признательностью принял прозрачный кубик. Он взял его в руки, подкинул на ладони и искренне мне улыбнулся. Старикашка же вскочил (мне показалось, он даже затопал ногами) и утащил своего визави на свою псевдоэкскурсию. Тем временем нам тоже пора было уходить. Мы улыбнулись теперь очень стеснительным скандинавам, поймали блеск восторга в глазах юной девы, получили царственный кивок от столика свирепых негров, и неспешно погрузились в переулки Монти.

Отец истории искусств

14 июля. 8:14

Художники и мудрецы древнего мира всегда старались в малом высказывать многое. Оттого ум древних глубоко затаён в их творениях; новейший же мир большей частью напоминает собой обедневших торговцев, которые выставляют лицом весь свой товар.

Иоганн Иоахим Винкельман (1717—1768)

Когда время живое

15 июля. 12:07

В Риме каждый день в полдень стреляет пушка на самом высоком холме Яникул – он по другую сторону Тибра. Посвящён он богу Начала и Конца Янусу, потому так и назван. И каждый день после залпа, звук которого далеко разносится над водами, начинается перезвон всех городских церквей. Этот сигнал для них Ватиканом и был придуман. И я всегда внимательно прислушиваюсь в этот момент. Целая интрига. Ведь всякий раз – особенный.

Кто сегодня не выдержит первым? Мне нравится представлять себе сценки, что разыгрываются по звонницам храмов, соборов и монастырей, которыми полны кварталы Рима. То кажется мне, что доминиканский монах (в ближайшей к моему дому колокольне) споткнулся на лестнице о стёртые ступени и опоздал вовремя опустить на древнее бронзовое тело колокола тяжёлый бронзовый язык. То видится мне, как в крохотном храме стоит послушник на изготовку, волнуется, вслушивается в службу, что идёт вниз и... не выдерживает, вступает первым. То вижу я, как brave артиллеристы на холме злорадно потирают руки, дав залп раньше на минуту – вот как сейчас. Сегодня пушка раньше выстрелила! И сегодня все звонари растерялись. Начался развесёлый разнобой.

Кстати, смешно, что отсчёт полудня ведётся в Вечном городе по айфону. В то время как Время раньше текло совершенно другим образом. Нередко и в прямом смысле. В садах на вилле Боргезе есть водные часы, чуть ли не барочные. Надо повнимательнее почитать про их устройство.

«Поздравляю вас, гражданин соврамши!»

17 июля. 16:43

Бронирую я тут хороший отель в одном хорошем городе. Точнее, это сеть. Ну как сеть? Два легендарных отеля в двух разных легендарных городах. Звоню по старинке. Так дешевле, между прочим, в разы. Букинг и другие посредники объявляют почти что в два раза дороже. Короче, я за человеческое общение. А отель этот (оба) – с громкой славой. И это важно. Хороший отель – это как хорошая книга. Это много страниц. И есть про что почитать. И помню точно, бывали мы в этом городе с громкой славой. И точно жили в хорошем отеле. И было это так давно...

«Двадцать лет тому назад», – сказала я, и на глазах моих заблестели слёзы, как бриллианты в ложах знаменитой оперы. Я помню, что была тогда загорелая, коротко стриженная, весила 45 кг, и даже фотка про это есть. Очень давно это было.

«Двадцать лет...» – повторила я проникновенно. И тотчас вспомнился один тапёр там – мы со входа прислали ему бокал красного, которое так любит мой любимый. И сели напротив. И он подарил нам невероятный концерт. Весь вечер для нас и играл. А ещё мы передвигались исключительно лошадьми. Такое установили правило. О... это была прекрасная поездка! И как же давно всё это, будто бы из сна, будто в тумане...

«Да! – повторила я снова, адресуя свои слова портье прославленного отеля прославленного города, размышляя о крайне удобной подушке, потому что хорошо запомнила, какие постели там. – Ровно двадцать лет назад...» Девушка прониклась. Аудиторию-то я чую... «И фамилия ваша не изменилась?» – Она уважительно помолчала, чтобы я с паузы могла проронить своё достойное «да». И я «чуть прибавила газку» и сказала своё веское «да», и мы снова помолчали. Двадцать лет семейной жизни...

Со стороны наш разговор выглядел так: люди едут на «вторую клятву» – это принято и в Старом, и в Новом Свете: ещё раз празднуешь свою любовь, ещё раз заявляешь её публично. Спустя 20, 30, 40 лет. Должно быть, она думает, что здесь мне сделали предложение. И я представила себе, что она видит перед собой сейчас провинциальную американку. И я даже раскачалась в своём кресле-качалке на крыльце двухэтажного домика где-нибудь в Мичигане. И я вспомнила, каково это – играть, и я рассмотрела в тёплом свете лампы своё достойное кольцо (подаренное Джоном на помолвку), и чуть не крикнула: «Эй, а спокойной ночи?!» – вслед волне светловолосых ребятят, несущихся по лестнице особняка вверх, в свои спальни, и растроганно шмыгнула носом в трубку... Двадцать лет...

О, гуманитарий – как же я мало знаю об вашей этой инженерии! О том, как и сколько времени хранят информацию о клиенте компьютерные базы!

«Минуточку, – изменился тон моей собеседницы. Она вырвалась из-под власти моих чар. – Вы и правда жили в нашем отеле, но ведь в другом городе! И меньше десяти лет назад!» Она назвала даты и город и рассердилась на мой невольный обман. «Простите, – смиренно сказала я. – Но ведь это было так давно!»

Я твёрдо знаю: в легендарном городе нужно жить в легендарном отеле. Значит, так и было. И я была в этом вашем городе, и в лучшем отеле, и тапёр играл! Что-то перепутала – да, но и не перепутала же вообще всё! Понимаете? Вот сейчас прямо и вспомнила: ваш отель в этом вашем городе разбомбили ведь. Пусть давно это было, но вот что точно помню: от оригинальной архитектуры у вас всего-то сто двадцать метров холла осталось. А вот там, где я останавливалась в вашем отеле, но в том, другом легендарном городе, – всё здание сохранено. Так что в прошлый свой приезд в ваш город я жила в другой хорошей гостинице, которая в оригинальном здании; его предпочла. А познав настоящую архитектуру, теперь решила и на вашу реконструкцию. Можно сказать, за десерт смирилась наконец-таки с последствиями Второй Мировой, а вы недовольны... И потом, вы простите, но что тут говорить про отели? Я вот авторство источника не всегда признаю. А вы мне про путешествие! Да я его не останавливаю много лет! Конкретно: два года назад из дома вышла, в пути который год... Да мне смешно просто: год! Мы вон вчера сидели в гостях, и я пыталась что-то рассказывать, но на уточняющие вопросы ответить не смогла – не смогла точно назвать ни свой возраст, ни возраст ребёнка. Кстати, была в одной африканской деревне – у масаев, так там тоже год никто не знает. Спрашиваю вождя: сколько вам лет? Не знает! Долго думал, потом вспомнил, говорит: родился до Большого дождя. Год! Я ещё в Ленинке заметила – я никогда не знаю, какой год. Шифр хранения важной книги ещё способна указать на память, пока с ней работаю, но год... На меня за это даже библиотекари ругались. На формуляре заявки ничего нельзя исправлять. И сначала переписывать заставляли. А ведь годы слишком быстро меняются и не так влиятельны, как дни. И да, это симптом – моего полнейшего, воистину средневекового равнодушия ко времени. Вот почитайте грамоты XI века – сплошное перечисление памятных событий и безо всякой хронологии. Главное: всё, что вы сейчас испытали, и всё, чему Вы поверили, – то правда и есть. Просто и неправда одновременно. Я на шестьсот мест рассчитана, понимаете? Не хотела обмануть, не сердитесь. Проснулась профессия на пару реплик – вот и всё. Я больше не буду. Просто хотела сказать... точнее, что я имела в виду: вы живёте в легендарном городе и работаете в легендарном отеле и это честь – останавливаться у вас. Понимаете? Очень важно, что в мире есть такие точки, в которых меняется – на протяжении веков – только постельное бельё и полотенца в ванной комнате, зато каждый день. Вот что очень-очень важно! Да! И пускай в тот свой приезд сто лет назад я остановилась в другом отеле. Зато жила и в вашем самом настоящем – понимаете? И ваш ресторан мы очень любим! И десерты! Нам все друзья их от вас везут – знают, что мы маньяки. Понимаете? Вы чудо, вы – слава страны! ...Но ничего, ничего такого я, конечно, не сказала.

Что вообще мы можем друг другу объяснить?

Мечты сбываются!

1 августа. 20:04

Один уважаемый ученый, мыслитель, лорд-канцлер Англии и основоположник утопии – Томас Мор – так описывает идеальную жизнь города:

«...При двадцати четырёх равных часах – считая вместе день и ночь – для работы отводят всего шесть: три – до полудня, после которого идут обедать, и, отдохнув от обеда два послеполуденных часа, снова уделив труду три часа, завершают день ужином. Оттого что первый час считают они с полудня, то спать они ложатся около восьми. Сон требует восемь часов. Что остается лишним от часов на работу, сон и еду, дозволяется каждому проводить по своей воле, но не проводить это время в разгуле и беспечности, а часы, свободные от ремесла, надобно тратить на другие занятия по своему вкусу», —

ну вот точь-в-точь как сегодня существует Италия. Я называю Рим: мой пансионат.

Вчера говорила со своим Светилом

9 августа 13:30

Обсуждали мою готовую статью. Старикашечка насмешничал – как всегда, потом рассказал несколько удивительных автобиографических эпизодов, и только потом мы приступили к делу. Таковы знаки его высочайшего расположения. Мы немножко поговорили и про барокко вообще, и про конкретное барокко, а потом почему-то поспорили про Сант-Иво, и он вдруг резко и по-стариковски пронзительно вскрикнул: «Я никогда не бывал в Риме!» Это прозвучало как горькое признание и ощущалось как невыносимая несправедливость. Конечно, именно *ему* и необходим был весь этот Рим... Мы помолчали. Словно почтили память несбывшееся. Перед прощанием он разволновался, наговорил мне много добрых слов, а в заключение проникновенно сказал: «Я очень хорошо вас вспоминаю. И стол в соседнем кабинете мы так и называем вашим, Инга. Это ваш стол».

Он сказал это – «ваш стол» – с такой знакомой интонацией... как всегда, когда кивал и указывал на него, если для меня там притаилось какое-то дело, причём безотлагательное. Я тотчас вспомнила свой первый рабочий день, за который успела переделать все задания на неделю. Тогда-то он впервые и усадил меня за «мой стол» – перед кипой типографской бумаги. И я разрезала её сломанными ножницами до формата А4 всё оставшееся время, несколько часов – до самого-самого конца рабочего дня. Пока он не зашёл и самолично меня не отпустил. Было немножко обидно, но на следующий день я пришла уже вооружённая любимым ножом для бумаги. Из очень удачной породы дерева, кстати: гладкий, достаточно тяжёлый и острый – специальный нож. Кажется, я привезла его из Камбоджи. И теперь я серьёзно собиралась наброситься на старую бумагу да накрошить её всю на куски. Бумагу, действительно, приходилось резать, закупок на центр документации не хватало. Однако пачка на «моём столе» – исчезла. И больше никогда мне подобных заданий не давали. Но только всегда подсмеивались. Впрочем, за первый день я успела нарезать столько, что ещё оставалось, когда я уходила.

Ах, на доли секунды мне показалось, что я всё ещё там. В моём подвале, где всё то же – неулыбчивое демисезонье, что днями кидается разноцветными листьями в моё узенькое окно и притихает под вечер весенней каплей. А я, согнувшись над столом, всё пишу и пишу с сильным нажимом своей любимой ручкой в большие, пухлые канцелярские тетради.

Я заносу номер документа в реестр памятников, вписываю в строгие таблицы – название, датировка, тип: археология, скульптура, архитектура, живопись, памятник истории. В общую опись заносится и содержание паспортов, и количество страниц описания, и другие важные подробности. Таких дел сотни сотен, тысячи тысяч. Целая комната забита нетронутыми делами, от пола и до потолка. Комната из сна. Комната тишины. В ней живут лишь тени звуков, а на столах, по углам, возвышаются хрупкие столбы небоскрёбов – чьи-то чужие завалы, норы других, давно потерянных теперь архивистов. Страшно отходить от маршрута, можно случайно натолкнуться на брошенное сокровище и потеряться на полсутки. Так, однажды я обнаружила на полу папку под гнётом пыли; это была подробная фиксация реставрации зала и росписей парадных залов Михайловского дворца (ныне основное здание Русского музея в Санкт-Петербурге). Еле оторвалась тогда от документов и вернулась к работе. С тех пор – при взблеске подобной драгоценности – с почтением протираю её, гладила и, не открывая,

складывала на хлипкий стул. Я прятала себе радости про запас. Я предвкушала тот день, когда с полным правом открою самые важные папки.

Вокруг меня, насколько хватало глаз, расстилалась кропотливая перепись наследия четырнадцати республик СССР (без учета Узбекистана: на свои территории он группы исследователей так и не допустил). Всё это – всё, что вокруг меня, – заметки о каждой местности, всякой деревушке, собранные по всей в прошлом обширной державе. На основе устных свидетельств, потом рукописных составлялось первоначальное представление о памятнике. Затем – выезд тех или иных специалистов на места, затем – составление подробных описей (их-то мы и хранили). В областных и региональных отделениях эти сведения дополнялись списком литературы по вопросу и снабжались комментариями. После чего информация приходила в центр документации. Эта гигантская работа по архивации культурных ценностей была спешно развернута во время Великой Отечественной войны и продолжалась, не замирая, более полувека. Завершиться не успела – остановлена в начале девяностых. Страны не стало.

Мой тусклый день начинается здесь так: обычно я прихожу первой, спускаюсь по узенькой лесенке в полуподвальное помещение. Впрочем, чаще я совсем здесь одна – как минимум на пару этажей. Прихожу работать и по выходным – по субботам и воскресеньям. Как только мне посчастливилось попасть в должность, так тотчас схватила острая мысль: ты здесь ненадолго, у тебя здесь год-два, если не меньше! С этой мыслью я отпираю дверь кабинета и включаю казённый скучный свет, разгоняя местный сумрак. Ставлю чайник. На столе, прислонившись к стене, стоит большой портрет Грабаря. Мне предложили как-то украсить своё скромное рабочее место, и я выбрала на складе репродукцию с его неплохого портрета углём, правда, стекло разбито, но мне обещали когда-нибудь починить. Тогда повесят. Кстати, станет хуже. А пока очень уютно. Академик – создатель и первый руководитель моего архива выше носа запорошён своими же бумагами и посматривает лукаво, как я чиню любимые карандаши, раскладываю линейки, проверяю работу ручек; мы переглядываемся. Теперь самое важное. Я открываю ключом железную сейфовую дверь. За ней оказывается вторая, «человеческая». Из комнаты, никогда не ведавшей солнца, тотчас входит сладковатый запах старой бумаги и щекочет пылью в носу, точно как за кулисами. Я чуть морщусь. Светило смеется: «Браво! Милочка, вы сменили одну пыль на другую». Это правда. И мне это нравится! Я выношу из зачарованного места, из-под тусклого ряда гудящих ламп кипу листов разносортной бумаги. Долго вытираю на столе от пыли тяжёлые, добротные папки. Знающие люди запретили трогать их голыми руками. Не случайно старый, тёплый, на первый взгляд, картон на второй день казался мне колючим. Особая пыль. Особый мир. Вскоре я начну работать в перчатках, но мне всегда будет не хватать того странного жжения в подушечках пальцев, которое возникало от бесконечных прикосновений к старой бумаге.

Как только ты развязывал старые тесёмки обложки, под ней оказывался первый, самый жёлтый лист документа. Эти папки были запакованы, словно подарки для Спящей красавицы, – их кутали в картон и прятали от света больше тридцати лет, а в некоторые не заглядывали и того дольше. Затаив дыхание, я спешила разглядеть первые строки: где окажусь на этот раз? Архив в своё время (приблизительно в конце восьмидесятых) переезжал. Документы оказались в беспорядке и всё ещё находились в стадии разбора. Оттого меня вечно катапультирует. Из какого-нибудь Темрюкского района Краснодарского края, где расположены неисследованные памятники античного времени, – в Минусинск декабристов, с планами города и отдельно взятыми паспортами по каждому важному для истории месту. Или вдруг, бывает, вынесет меня к бюсту доярки-ударницы (кстати, превосходному!) в крошечной деревне Черниговской области. Престарелая дама, что служила смотрительницей архива до самой смерти, в какой-то момент оста-

лась единственным сотрудником, да на смехотворной зарплате, вот и махнула рукой на эту гору работы. К тому же, похоже, не очень-то ладила она с географией или была подслеповата. Всё это привело к тому, что она свалила по дороге к моей вожделенной Украине, ради которой я и оказалась в центре документации, Краснодарский и Красноярский край. Вперемешку. В некоторых местах мне по пояс было документов.

Скучно, только если папка сразу начиналась с археологического памятника – тогда пиши пропало. Как минимум двести дел подряд будет одно и то же. Я к археологии с почтением, но гораздо интереснее читать судьбы домов, архитекторов, героев – кому посвящены памятники, чем в сотый раз шуршать по бумаге: Поселение 15. Поселение 31. Иногда: Укрепление. Того хуже, если папка начиналась с паспорта кургана. В радиусе километра может располагаться до сотни различных объектов. И снова под номерами: №1, №32, да что там – и №152 бывает! Тяжело. Очень монотонная работа, и к двухсотому кургану одной культуры, с одинаковыми описаниями, ни о чём другом думать не получается, бьётся только одно: когда же это кончится? И вот волнующий момент! Курганы сладко спят в своей новой, удобной обложке на подоконнике, а передо мной – новое дело. Дряхлая, прекрасная от времени папка торжественно открыта, паспорта пачками извлекаются из привычного им панциря, охваченного тесьмой. Теперь они уютно располагаются на столах и стульях. Эти паспорта – гости света – запорашивают всё вокруг, чуть трепеща, освободившись от гнёта. В тоненьких листках, сложенных до формата А4, прятались и многие прочие бумаги. Иногда они, искорёженные временем, выскальзывали из рук, тогда с них созвездиями срывались крохотные знаки препинания, оставленные десятилетия назад верхним регистром старой печатной машинки. У меня даже скопилась небольшая коллекция в уголке верхнего ящика стола – горсточка самых настоящих бумажных точек, потерявших свои утверждения. А сквозь ажур листа теперь красиво было смотреть на тёплый свет настольной лампы.

Помимо записей, я должна была просматривать и фотографии. Они прилагались к каждой папке. Я должна была сосчитать их количество и внести в опись. Я касаюсь сотни сотен, тысячи тысяч чёрно-белых, иногда мутных от времени снимков. К каждому делу приложено не менее трёх изображений – в зависимости от категории объекта. Иногда из большой папки выпадает дело пухлое, ну точно из мультфильма, полное пачек и пачек старых разноцветных советских пакетов для фотобумаги. Нередко на фотографиях попадают люди, которые совершают замеры, задают масштаб. Обычно это полные сил молодые мужчины. Одеты всегда по разной моде. И жутко интересные. Одна съемка кургана в поле Краснодарской области хорошо запомнилась потому, что было сразу видно, какая это отличная, классная команда археологов. Судя по фамилии руководителя, экспедиция провела в этих местах несколько сезонов. Возможно, на снимках, которые я с удовольствием разглядывала, – пятилетний юбилей или другой коллегиальный праздник (День археолога, например). Не знаю. Быть может, просто у ребят отличное настроение. В замерах, на фоне раскопов, фотографируется группа из восьми человек. Иногда они серьёзны, но чаще дурачатся. Некоторые очкастые, другие усатые, рубашки завязаны узлом на поджаром пузе. Приблизительно конец 70-х. И боюсь, попало им за такие фокусы на профкоме, а быть может, никто и не заметил: спрятали фотосессию в конверт, указали «15 фотографий» – и дело с концом. Пятнадцать – это как раз самое обычное: 14 фотографий объекта и одна экспликация местности. Стандартный пакет. Я быстро сообразила, как на ощупь отличать дом-музей от раскопа и памятник всесоюзного значения от регионального – по количеству фотографий.

Я многое успела: перебрала, перемыла, убрала и оформила – несколько тысяч дел. Более пяти тысяч, а может, и много больше. Не помню. Часть ведь потом уже на компьютере, что

проще, разумнее и быстрее. Впрочем, не так сладко. И всё же я только начала, только тронула то, за чем пришла. И ведь презрела всё – ради главного. Главного, которого так никогда и не случилось. Я лишь лихорадочно прожила в его ожидании, спешила, не оглядывалась, а всё лучшее в сторонку откладывала – до лучших времен. Как известно, они никогда не приходят. Но мне ведь правда нужно было добраться до вожаемого шкафа, чтобы зарыться с головой и наконец-то поработать, а для этого необходимо было в прямом смысле этого слова – проложить себе путь.

Наверное, это самая драгоценная из моих жизней – из всех, что удалось мне испытать на веку. Эта важность и осязаемость дела! При моей любви и уважении к истории, к культурному наследию страны оказаться тем самым человеком, кто должен – в прямом смысле – спасти информационную базу, на основе которой взращён самим Лихачёвым Институт Наследия. Вот это – Миссия. И я старалась, и многое придумала, и выполняла работу как можно более быстро, чётко, прилежно. Хотя никому это было не нужно. Но это точно нужно было мне. Я считала это крайне важным. И я улыбалась тем рукам, что начинали вести толстую тетрадь ещё в какой-то келье Зачатьевского монастыря, где раньше действовал наш институт. С почтением перебирала фотографии табличек братских могил Гражданской, осознавая, что, вероятно, в последний раз человеческий глаз касается этих скромных строк – имя, две даты через тире. Многие могилы уже тогда, в 70-х, терялись в бесконечных лугах и перелесках, а папки эти будут лежать в самом низу, первыми в очередь на уничтожение. Страшно, что гибли ведь совсем мальчишки. От шестнадцати до девятнадцати. Теперь жалею, что не фотографировала эти краткие списки с судеб признанных на тот момент героев. В архиве запрещено. Я не посмела, хоть и была одна. А без тех подробностей, правдивых разворотов сюжета рассказы эти ничуть не дороже равнодушному сердцу перечня фамилий. Среди тумана воспоминаний в голове бродят только обрывки историй. Точнее Истории.

Всё это напоминало мне какой-то странный молебен, который я служила там, в тихом одиночестве подвала. И когда голова от путешествий по времени шла уже крúгом, я брала сигарету. В таких случаях вспоминается в первую очередь почему-то зима. Во дворе института была голубятня. И зимой я не наматывала круги вокруг футбольного поля, чтобы подышать липами, но, накинув пальто, добегала лишь до угла – посмотреть, не холодно ли птичкам. Птичкам было хорошо. Они были гладкие, упитанные и тихонько ворковали.

Я возвращалась в своё скудное подвальное тепло, наливала новую чашку крепкого чая и погружалась в следующую реальность.

Спасибо Вам за это – В. И.!

IV век

10 августа. 8:47

На вопрос, что думает он о Риме, персидский князь Гормиздас отвечал, что ему не нравится только одно – и здесь люди смертны.

Это полный провал, снова полный провал (с)

13 августа. 16:02

Решила повнимательнее все-таки питаться тут – в царстве пиццы и пасты. Начала с понедельника – понятное дело. Дождь зарядил с утра, но решено, так решено.

Первое условие: до обеда нужно ходить – его заслужить. И после обеда ходить нужно тоже. Главное, подальше, чем до кухни в доме и обратно. Второе условие: обед должен быть лёгким. Но, учитывая все обстоятельства, хотя бы приятным. Так что сегодня в меню был луковый суп.

Вот добралась я за семь тысяч шагов до милого французского ресторанчика, единственного в Риме. Гордо заказала я себе водицы с луком. Тут у них именно такой рецепт. А пока ждала, умяла под чашечку горячего, сладкого чая чудеснейший из багетов. Опомнилась, расстроилась, залила свою печаль бокалом шампанского, потом съела свой лёгкий суп и, низко опуская голову под крупными и теплыми слезами с небес, отправилась восвояси.

Вот такие у меня достижения. Сижу, второй час всё ещё сушу свои волосы и сержусь. Уж не знаю на что. Есть подозрения, что на пару платьев, которые купила лет пять назад.

Наука быть живым

13 августа. 18:03

Кто я или что я? В своем последнем основании? Помимо званий, ролей, степеней и всех этих этикеток, наклеенных на меня? Помимо занятий и отношений, даже имени и личной истории? Кто я? Что я? Самый главный урок, которому меня научила жизнь, таков: сущность моего бытия состоит в субъективном осознании, представляющем собой непрерывный процесс. Окончательно я не могу отождествить себя ни с какой-либо материей (например, с моим телом), ни с чем-либо, что я произвожу (моими словами на этих страницах), ни с каким-либо из моих свойств (мой интерес к другим), ни с моим прошлым, ни с моими планами на будущее, ни с моими сиюминутными мыслями, ни с какой-либо иной вещью. Короче говоря, я – не вещь, ничто. Я – исключительно процесс моего бытия – например, процесс написания этих слов, – но я не содержание слов или идей, которые они выражают. Я – тот, кто осознает процесс письма, выбирает способы выражения мыслей, надеется на понимание, наслаждается возникновением мыслей и образов своих переживаний.

Этого понимания трудно достичь, потому что почти всегда нас учат по-другому осознавать себя. Нас учат воспринимать свою личность через образование, отношения с окружающими, профессию, список наших достижений, через объективные вещи. Таким образом мы можем надеяться стать кем-то или достичь чего-то. Но иногда случаются сильные поворотные переживания, когда, наконец, мы освобождаемся от всех этих объективаций и открываем свободу, которая является нашей глубочайшей природой. Тогда мы чувствуем, как можно по-настоящему быть живым; тогда мы ощущаем различные возможности, которые были открыты перед нами, но которыми мы не решались до этого воспользоваться. Тогда бытие жизни становится мощным и сильным.

Джеймс Бьюженталь

В палаццо Барберини

15 августа. 11:58

О том, что в картинах Ренессанса нередко встретишь «*нимфу – женскую фигуру в бурном движении, с развевающимся одеянием и локонами*», которая есть нечто среднее между знаком и изображением, явление, «*позволяющее облечь в символическую форму проявления индивидуального душевного переживания*», мне стало известно на первом курсе. И правильно: по-научному их вообще-то звать *Pathosformel*, то есть «*формулы выражения страсти*». С тех пор как я прочитала книгу Варбурга «Великое переселение образов», я была сама не своя. Я мечтала найти хотя бы одну такую! Я так хотела, стоя перед картиной, обнаружить к ней эмоциональный ключ, данный самим мастером!

Но это мне никак не удавалось! От моего излишне пристального взгляда – на полотна, фрески, гобелены, доски – попрятались все формулы. От картинок собраний разных академий уже кружилась голова. Я сделала перерыв – посвятила неделю ранним римским мозаикам и со свежим взглядом отправилась в палаццо Барберини. И здесь, в «Благовещение» Филиппо Липпи – в скорбном и величественном, от юности героини которого щемит сердце, – меня пронзила иная сцена.

Сцена отчаянья в правом верхнем углу картины. Посреди благолепия природы, благопристойной роскоши дома и благочестивой тишины, по каменным ступеням, босиком, куда-то в сторону и вверх устремляется нимфа в развеваемом одеянии. Её порыв останавливает мужская фигура. Художник уже овладел некоторыми хитростями в построении перспективы, и с определённых точек именно гризайль *Pathosformel* является центром построения композиции.

Интересно, что от точки зрения зависит и то, как воспринимается эта борьба в узком портале. Иногда кажется, что юноша хочет войти, но нимфа не впускает его, преграждает путь, не желает его слушать. А иногда кажется, что наоборот: она отталкивает его, она требует возможности немедленно выйти. И тогда, возвращаясь к печально застывшим фигурам – прелестному пажу и его прекрасной принцессе, обнаруживаешь, что на глазах двух благочестивых мужей, зрящих чудо явления Духа Святого, эти два создания превращаются в Вестника Божьего и Деву Марию.

Вестника Божьего и Деву Марию, между которыми на самом деле происходит мучительная безмолвная схватка – где-то там, на чёрно-белой лестнице.

О берегах очень тихой реки

17 августа. 17:33

Сегодня познакомилась с человеком из Гамбии. Эта страна лежит по берегам одной из крупнейших рек Западной Африки. Длинный узкий язык внутри другой страны – Сенегала и легкий путь внутрь самого континента, часть которого после периода тысячелетнего процветания с пятнадцатого века и до недавнего времени переходила от португальцев к британцам или к французам: туда-сюда-обратно. Забыла спросить, как имя моего нового *не – знаконца*, но спешу записать некоторые подробности разговора с симпатичным представителем негроидной расы лет двадцати пяти. Из страны, исповедующей мусульманство. Это общество с очень небольшой долей христиан; существуют там и местные культы; вот с таким приверженцем тамошней религии мы и разговаривали. Коротали полдень у фонтана. Шампанское не пьёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.